

К реконструкции в славянских языках некоторых фрагментов этимологического гнезда с и.-е. **ser-* ‘течь; бежать’

С расширением материальной базы исследования появились условия для выявления в славянских языках отдельных фрагментов распавшегося этимологического гнезда с индоевропейской основой **ser-*. Соответствующий славянский материал не получил отражения в словаре Покорного. Трудности воссоздания исходной картины обусловлены тем, что с разрывом генетических связей, вызванным морфонологическими изменениями, преобразованиями семантики и т. п., отдельные лексические элементы приобретают самостоятельный статус и образуют свою систему словообразовательных и семантических отношений, в которой сосуществуют образования унаследованные и относительно поздние, возникшие в разное время в отдельных диалектах.

Средствами этимологического анализа поддается восстановлению один из фрагментов этого гнезда, объединяющий рус. *ссора* (< *съ-ссора*) и с.-хорв. *ôśoran*, *ôśorŭiv* ‘резкий, грубый; вспыльчивый, раздражительный, заносчивый’, словен. *osóren* ‘неприветливый, резкий, грубый’ [Фасмер, 3, 741]. К ним можно добавить с.-хорв. *osor* ‘резкий, строгий’, ‘высокомерный, заносчивый’, ‘сердитый, гневный’ (< **obsorъ*) и ц.-слав. *въсоръ* ‘asper’, *въсоривъ* ‘difficilis’ [ЭССЯ, 30, 11–12]. В структуре и семантике диалектной лексики, связанной с проявлением отношения человека к окружающему миру, отчетливо прослеживается связь приведенных лексем с **sorъ* и глаголом **sъrati* ‘casare’ с наиболее вероятной для него исходной индоевропейской основой **ser-* ‘быстро двигаться; течь’ [ср. иначе: Bezlaĵ, 3, 303].

Не подтверждается старая версия, этимологически разделяющая рус. *сор* и *ссора* с отнесением последнего к гнезду и.-е. **suer-* (рус. *свара* и т. д.) [Фасмер, 3, 741; Pokorny, 1, 1049]. В пользу предлагаемой версии — структура отглагольных имен с корневым вокализмом *o* и *i* в соответствии с глаголами **sъrati*, **serq*, **-sirati*, а также совпадения

значений: ср. рус. диал. *сор* ‘ссора’ и *сор* ‘стыд, срам’ [СРНГ, 40, 12], *осóрьё* ‘вздорный, неуживчивый человек, заводящий ссоры’ и *осóрье* ‘сор, мусор’ [Там же, 24, 45], *засóриться* ‘начать ссориться, ругаться’ и т. п. [СГРС, 4, 191], а также *сёрники* ‘ссоры, стычки’, ср. «Как надоели мне все эти *сирники*» [СРНГ, 37, 347], ср. еще с.-хорв. *исíра се* перен. ‘говорить вздор, нести чушь’ [Стојановић, 2010, 321, 697] и др. К этому ряду примыкают производные на *-iga*: укр. *осору́га* ‘что-л. надоевшее, опостылевшее’, ‘неприятнь’, ‘чувство отвращения’, *осору́жити* ‘опозорить, обесчестить, осрамить’, родственные помор. *soríin* ‘злой дух, черт’ [ЭССЯ, 30, 13].

На славянской почве исходная семантика индоевропейской основы **ser-* трансформируется, и глагол **syrati* приобретает функцию специального обозначения физиологических отправлений. Как показывает материал, отдельные признаки исходного значения ‘бежать; течь’ проступают в семантике рус. диал. *посерáть* ‘бежать’ (перм., 1887) [СРНГ, 30, 150], *засáривать* ‘быстро бежать, ехать, лететь и т. п.’, ср. «Эй, *засаривай!* ... Ишь как *засаривает!*» [Там же, 11, 19], ср. совмещение значений в *рассáривать* и *рассорíть* ‘роняя, соря, рассыпать во многих местах’, ‘растрчивать попусту, неразумно, проматывать’ и ‘разъехаться, разойтись в разные стороны’ [Там же, 34, 202]. Идея движения определяет семантику болг. диал. *пресирам*, *присирам* ‘нервничать, спешить, торопиться; выражать недовольство и т. п.’ [БЕР, 6, 614] и т. д. Возможность семантического перехода ‘стремительно двигаться’ > ‘резкий, грубый’ > ‘ссориться’ подтверждается словен. *stékel*, польск. *wściekły* ‘дикий, бешеный’ и т. п. (< **tekti*) [Bezlaј, 3, 315].

С учетом отмеченной линии развития появляются основания для включения в гнездо **ser-/sor-* производных с редким суффиксом *-ga*: рус. диал. *сорóга* ‘несговорчивый, упрямый человек’, которое сближается с польск. *srogi* ‘строгий; большой; сильный’ (> рус. *строгий*), ц.-слав. *срагий* ‘страшный, ужасный’, н.-луж. стар. и диал. *srožys se* ‘бушевать, неистовствовать’ [Borys, 2005, 573]. При более широком охвате семантики, с учетом возможных преобразований исходной базы со значением ‘бежать; течь’ не получает подтверждения традиционное сближение этих слов с рус. *стеречь*, *сторож* [Фасмер, 3, 779; Borys, 2005, 573].

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Стојановић Р. Црнотравски речник // Српски дијалектолошки зборник LVII. Београд, 2010.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964–1973.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–2007. Т. 1–4.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I–II.

В. С. Кучко

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
kuchko@inbox.ru

К изучению семантических связей лексики со значением обмана: «игровая» и «смеховая» мотивации

В русской лексике и фразеологии со значением обмана обнаруживается ряд языковых единиц, мотивированных обозначениями игровых, обрядово-игровых действий или действий, совершаемых ради забавы.

В литературном языке слова *игра*, *играть*, *разыграть* употребляются в переносном «обманном» смысле: *игра* ‘о преднамеренном (обычно неблагоприятном) ряде действий’: «Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! К чему <...> эта дьявольская, змеиная игра?» (Чехов, «Враги»); *играть в прятки*, *играть комедию* ‘обманывать, притворяться, скрывать что-л.’; *разыграть* ‘обманывая, поставить в глупое положение; одурачить’: «Ты думаешь, что – меня можно легко разыграть?» (В. Беляев, «Старая крепость»). Сходство игровой и обманной ситуаций, эксплуатируемое в этих номинациях, вполне очевидно. Игра предполагает определенную степень притворства играющего, подчиненность его действий заранее известным правилам и, кроме того, установку на саморазвлечение. Обман требует тех же условий, модифицированных с учетом степени серьезности ситуации (неискренности обманщика,